

УДК 81'37: 392.8
doi 10.17072/2037-6681-2017-2-47-54

ЩИ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ: КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВАЯ СИМВОЛИКА¹

Ксения Викторовна Осипова

к. филол. н., старший научный сотрудник топонимической лаборатории
кафедры русского языка и общего языкознания

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
620000, г. Екатеринбург, просп. Ленина, 51. osipova.ks.v@yandex.ru

SPIN-код: 9505-1715

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2285-6112>

ResearcherID: F-4554-2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Осипова К. В. Щи на Русском Севере: культурно-языковая символика // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 2. С. 47–54. doi 10.17072/2037-6681-2017-2-47-54

Please cite this article in English as:

Osipova K. V. *Shchi* na Russkom Severe: kul'turno-yazykovaya simvolika [*Shchi* in the Russian North: Cultural and Linguistic Symbolism]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 2, pp. 47–54. doi 10.17072/2037-6681-2017-2-47-54 (In Russ.)

В статье реконструируется культурно-языковая символика *щей* на материале говоров Русского Севера (Архангельская и Вологодская области, а также северо-восток Костромской области). Статья включает лексические материалы, почерпнутые из опубликованных словарных источников, а также лексических картотек Словаря говоров Русского Севера и Топонимической экспедиции Уральского университета. Обычно *щами* крестьяне называли мясной суп с добавлением ячменной или овсяной крупы, а также суп из квашеной капусты. Фонетические формы *щи* и *шти* в говорах могут встречаться и на одной территории, но при этом их значения дифференцируются. На Русском Севере щи принадлежали к основной части рациона – их варили и как повседневное, и как праздничное блюдо, варьируя состав ингредиентов. В говорах различались *щи* и все прочие более жидкие супы, которые относились к разряду *похлебок*. Щи употреблялись за любой трапезой как в богатых, так и бедных домах. Капустные щи были самой привычной пищей и символизировали однообразие крестьянского рациона, могли рассматриваться как прототип всякой пищи. Щи подавали дома как часть праздничного угощения: на свадьбе совместное употребление щей означало согласие и породнение семей; *щи* символически были связаны с домом, с которым прощалась невеста. Благодаря яркому звуковому облику слова *щи* возникли присловья, основанные на рифме *щи* – *полощи*, *щи* – *шли* и называющие жидкую похлебку. Простота приготовления и незатейливость состава щей определили появление фразеологизмов *как шти варит* ‘запросто, непринужденно’ или *щи похлевать* ‘плохо, бессмысленно’. Во фразеологизме *шти пролить* ‘упасть’ слово *щи* используется как эвфемизм по отношению к соматизму *кровь*.

Ключевые слова: Русский Север; диалектная лексикология; этнолингвистика; семантика; мотивация; традиционная пища.

На Русском Севере щи относились к основной части рациона – их ценили за простоту приготовления и питательность, а потому варили и как повседневное, и как праздничное блюдо, варьируя состав ингредиентов. Обычно *щами* крестьяне называли мясной суп с добавлением ячменной или овсяной крупы, который скорее напоминал

жидкую кашу, чем суп. По замечанию Г. Н. Потанина о рационе г. Никольска Вологодской губ., «щами здесь называют жидкую овсяную кашу, одно из обыкновеннейших блюд, в особенности в скоромные дни; часто любят есть ее простуженную» [Шалимова и др. 2010: 15]. В некоторых районах под *щами* подразумевали суп с капустой.

Предлагаемая статья является частью проекта, направленного на комплексное этнолингвистическое изучение пищи Русского Севера: выявление состава традиционного рациона, особенностей приготовления и употребления блюд, а также их культурно-языковой символики. Исследование диалектной лексики опирается на принципы этнолингвистического анализа, разрабатываемые Е. Л. Березович и ее учениками [см., например: Березович 2007, 2014; Леонтьева 2015; Атрошенко 2012; Кривошапова 2007 и др.]. Следуя тезису о том, что интерпретация семантико-мотивационных связей отдельной лексической группы позволяет реконструировать особенности видения соответствующего фрагмента действительности, мы рассмотрим слово *щи* и его семантико-словообразовательные производные. Представленные в статье лексические, фольклорные и обрядовые данные дают возможность раскрыть культурно-языковую символику *щей*, характерную для севернорусской традиции: роль щей в составе традиционного рациона и варианты приготовления, архаические черты и инновации в значении слова *щи*, его текстовые и обрядовые функции.

Исследование включает лексические материалы, почерпнутые из словарей, охватывающих соответствующие севернорусские территории (АОС, СВГ, СГРС и др.); из картотеки Словаря говоров Русского Севера и лексической картотеки Топонимической экспедиции Уральского университета. В работе представлены диалектные данные по Архангельской и Вологодской областям, а также северо-востоку Костромской области (северная часть Шарьинского района, Вохомский, Октябрьский, Павинский районы, ранее относившиеся к Вологодской области)².

В севернорусских говорах встречаются фонетические варианты *щи* и *шти*, которые иногда употребляются на одной территории, при этом их значения могут дифференцироваться: так, в Кичменгско-Городецком районе Вологодской обл. было записано и *шти* 'суп из овсяной крупы с мясом' и *щи* 'суп из квашеной капусты': «Щи – это щи, а шти – это шти. Щи – это как рассольник с капустой, а шти – это мясо, вода и крупа» [КСГРС].

«Кулинарная» семантика слова *щи* в говорах довольно расплывчата, однако можно выделить несколько сквозных линий. Согласно диалектным записям последних лет, сейчас название *щи* или *шти* воспринимается как **синоним общеродного суп**, однако оно встречается преимущественно в речи старшего поколения: «Любой суп у нас называли шти» (костром. шар.) [ЛКТЭ], «У нас всё шти – когда с мясом, когда так, похлебка» (арх. лен.) [КСГРС], «Ноне-ти всё суп, а

раньше шти» (волог. к-г.) [СВГ 12: 115]. Обычно *щи* варили довольно густыми, с добавлением крупы, что отличало их от прочих жидких кушаний, которые чаще всего объединялись названиями с корнем *хлеб-*: *похлёбка* (общенар.), *хлебáло* (арх. вель.), *хлебня́* (волог. сок.) [СВГ 11: 187, 188], *похлебёнька*, *похлебёнка* (волог. шир. распр.) [СВГ 8: 23]; *вар-*: *варево*: «“Суп”-от не говорили. Свари хоть варево! С грибами варево, с картошкой» (костром. шар.) [ЛКТЭ]. В говорах дифференцировались *щи* и все прочие супы, которые относились к разряду похлебок. От других жидких кушаний *щи* отличала довольно густая консистенция, а также обязательная варка, в то время как многие жидкие блюда готовили, просто заливая ингредиенты водой или квасом: ср. названия подобных похлебок быстрого приготовления – *болтанка* (арх. карг.) [АОС 2: 76], *мурцовка* (волог. сок.) [СВГ 5: 10], *рощекóлда* (волог. шир. распр.), *тюря* (костром. окт.) [ЛКТЭ], *тяпушка* (волог. гряз.) [СВГ 11: 93]. Мясо и крупа, которые были непременными компонентами щей, отличали их от «пустых», жидких похлебок, которые обыкновенно варились на воде с картошкой и луком, например, таких, как *варенец* (волог. у-куб., костром. пав.) [СГРС 2: 26; ЛКТЭ], *лушиха* (костром. вохом.), *рататуй* (костром. окт.), *супарница* (костром. окт.) [ЛКТЭ]. (Подробнее о семантико-мотивационных особенностях наименований пустых супов см.: [Березович, Осипова 2014а, б].)

В большей части Вологодской обл. под *щами* подразумевали **мясной суп**, а **постную похлебку с крупой** и картофелем называли *щи-крупянка* (сок.) [СВГ 12: 115], *товстые щи* 'толченый ячмень, сваренный в воде' [КСРНГ]. В Архангельской области похлебка с ячменной мукой или крупой называлась уст. *житные щи*, мез. *жидкие шти* [АОС 14: 163, 78]. Обязательность крупы как главного ингредиента щей определила появление названия *штикаша* 'густые щи, с большим количеством крупы': «Это не каша, а штикаша, на шти больше походит» (арх. леш.) [КСГРС]. На севере Вологодской и в Архангельской области *щи* могли обозначать похлебку на воде только с мясом и солью, куда иногда добавляли немного крупы или размятого картофеля (вин.) [Ефименко 1: 71, 72], ср. *шти* 'мясной суп': «У нас все шти, когда с мясом, когда так – похлебка» (арх. лен.), «Шти-то – одно мясо да картошка» (арх. в-т.), «В шти картошку-то не клали, мясо да крупы овсяной положат» (волог. в-уст.) [КСГРС]. Такие мясные щи были знаком достатка хозяев: «Раньше кто богатый, в шчи и картошки не ложил – одно мясо» (арх. лен.) [СГРС 1: 95]. В районах, где основу рациона составляла рыба, щи варили с сушеной ры-

бой и крупой (олон., кем. с пометой «у корелов») [Куликовский: 140; Подвысоцкий: 194] в противоположность *ухе*, которую готовили из свежей рыбы.

Противопоставление щей как достаточно **густого, сытного блюда** и жидких, пустых похлебок находит объяснение в свете этимологической семантики слова *щи*. Согласно наиболее распространенной версии современная форма *щи* восходит к др.-рус. *шти* и, вероятно, реконструируется как *сътъ*, мн. *съти*, первоначально ‘питательный напиток’ или ‘жидкое кушанье’, – эта же основа представлена в словах *соты* и *сытый* [ТСРЯ, а также Фасмер IV: 506; Черных 2: 435]. Из этого следует, что историческое значение *щей* было связано с понятием сытости: так называли питательное жидкое блюдо, которое приносит насыщение. Семантику ‘сытный, питательный’, ‘густой (в отличие от жидких, водянистых похлебок)’ сохранили диалектные значения слова *щи*: так, помимо лексем, приведенных выше, в вологодских говорах находим, например, обозначения мучных похлебок – *щи по-кисельному* ‘похлебка из кваса и ржаной муки’, *щи стёганые* ‘овсяный кисель’ (волог. кир.) [СВГ 12: 115]. Наблюдения И. С. Лутовиновой над семантикой рус. *щи*, основанные на материале памятников древнерусской письменности, а также русских говоров Псковской обл., Карелии и Низовой Печоры, подтверждают выводы о том, что изначально *щи* – ‘то, что насыщает, делает сытным’, а значение ‘суп из капусты’ является более новым (с XVII в.): «Слово *шти* в памятниках древнерусской письменности известно с XVI в. в значении “жидкое кушанье, род супа”. О том, что оно с капустой, упоминания нет, скорее оно с рыбой...»; «Для мотивировки названия *щи* капуста не имела, по видимому, основного значения. Главное – это мучная добавка, подболтка, которая исконно добавляется в это блюдо. “Шши у нас с капустой, а патом закалачивают мукой”» [Лутовинова 2005: 64–66].

Иногда *щи* как название супа с мясом противопоставлялись однокоренным наименованиям постной крупяной похлебки *штиница* ‘суп из перловой крупы с картошкой’ (арх. вин.), ‘каша из ячневой крупы’ (арх. кон.) [КСГРС], а также уменьшительным формам *штечки* (волог. тарн., костром. окт.) [ЛКТЭ; СВГ 12: 115] или *штеицьки* ‘суп из круп с примесью овощей или рыбы’ (карел. беломор.) [Дуров: 447], «Так-то шти, а постные – штечки» (костром. окт.) [ЛКТЭ]. В связи с этими примерами можно предположить, что череповецкое присловье *Щи да щечки, да щи в горшочке* [Тенишев 7(2): 201] обыгрывает однокоренные названия мясного и

постного супов *щи* и *щечки*, употребление которых составляло основу рациона.

По времени приготовления – в посты или дни без пищевых ограничений – различались *щи постные* и *скоромные*: *щи постные* ‘суп без мяса с овсяной крупой и картофелем’ (волог. шир. распр., костром. вохом.) [ЛКТЭ; СВГ 12: 115]: «В постные дни шти постные варили на овсяной крупе» (костром. вохом.) [ЛКТЭ] – *щи скоромные* ‘мясной суп с крупой’ (волог. сямж.) [СВГ 12: 115]. Контаминацией *молосный* ‘скоромный’ и *молочный* ‘содержащий молоко’, скорее всего, объясняется название *щи молочные* ‘мясной суп’ (волог. сок.) [там же]. В Пинежском районе Архангельской обл. по наличию/отсутствию мяса противопоставлялись *говяжьши* и *пустые щи* [Ефименко 1: 68, 69], они же *пустоварные шти* [КСГРС]. В голодное время или в период постов такие щи могли варить только из воды и капусты, для улучшения вкуса добавляя в них постное масло, острый перец, редьку или чеснок (череп.) [Тенишев 7(2): 313].

По цвету различались *белые, серые и зелёные щи*: состав этих супов менялся в зависимости от территории. В Архангельской области *белыми* называли щи с добавлением молочных продуктов: *белые щи* ‘щи без мяса, сваренные на пахте’ (лен.) [СГРС 1: 95], ‘суп с ячменной крупой, забеленный сметаной’ (пин.) [Ефименко 1: 69], ср. диал. шир. распр. *забелить* ‘заправить молоком, сметаной и пр.’ [КСГРС; ЛКТЭ]. В Костромской обл. *белыми* считались щи из минимума компонентов – лука, картошки и мяса, без добавления капусты: «Белые шти, ничего в их нету, лук, картошка да мясо» (окт.) [ЛКТЭ]. В Вологодской обл. *белые щи* варились из кочанной, белой капусты, *серые* – из ее зеленых листьев, а *зелёные* – из квашеной капусты: «Серые шчи – из хряпы, а белые шчи – из клубня» (чаг.) [СГРС 1: 95]; «Зелёные щи вот как готовили: клубок капусты заварим, изрубим; мучки ржаной сыпнем, две ночи покиснет и наварим их с мясом; кисленькие они получаются» (кад.) [СГРС 4: 261]. Щи из капусты, которую предварительно обваривали и заквашивали с мукой, называли также просто *щи, шти*: «У нас тут все почти рубят шчи» (волог. устюж., арх. в-г., кон., лен., пин.) [КСГРС]. Поскольку основу таких щей составляла капуста, за ней закрепилось название *щи*: «Самый важный запас из огородного есть капуста, или попросту “щи”. Капусту щами зовут потому, что из нее преимущественно варят щи. Осенью, когда капуста “дошла”, т. е. совсем поспела, ее срубуют и тут же на огороде разводят огонь, подвешивают над ним громадный котел с водой. Когда вода закипит, в нее опускают кочаны, очищенные от старых и гнилых листьев, и варят. Сварившуюся

до мягкости капусту вынимают из котла вилами и, пересыпая солью, кладут в чаны, или большие кадки. В кадках капуста закисает, ее зимою выносят на мороз и, по мере надобности, рубят на щи» (череп.) [Тенишев 7(2): 312].

Роль щей в застолье

Щи могли употребляться за любой трапезой как в богатых, так и в бедных домах. Их подавали дома как часть праздничного угощения, в этом случае щи сопровождалась выпивкой – *Перед щами и нищий пьет* (череп.) [там же: 145, 200]. В постные праздничные дни их готовили с рыбой. Мясные щи, как и кашу, в больших котлах, вмещающих 10–15 ведер, варили на крупные церковные праздники; продукты для них жертвовали богатые прихожане (волог. череп.) [там же: 43]. Щи как часть угощения для гостей упоминаются в частушках: «*Наливай-ко, мамка, щтей, я привел товарищей!*» (волог. ник.) [Шалимова и др. 2010: 15] и в прибаутках – шутливых формах благодарения хозяина гостем: «*Благодарим за хлеб за соль, за щи спляшем, за кашу песенку споем, а за кисло молоко выскочим высоко...*» (арх.) [Ефименко 1: 139].

Капустные щи были самой привычной пищей и символизировали однообразие крестьянского рациона, ср. *Шти капусте замена, капуста особая перемена* (арх.) [Ефименко 2: 250], *Голодному Федоту и щи в охоту* (волог. череп.) [Тенишев 7(2): 201]. Щи считались тем пищевым минимумом, на который должно хватать средств у самых бедных крестьян; ср. отрывок из разговора хозяйна с гостем-промышленником: «Эх, брат, ты разве не знаешь, что при ваших заработках только нищим и пить чай. А вам, надо полагать, не только на чай, а и на щи по нынешним заработкам не достать. – Это правда, уж истинная правда! – соглашается хозяин» (волог. череп.) [Тенишев 7(2): 96]

Регулярность приготовления щей определила наличие специальной посуды – горшков для варки: *штённик* (костром. вохом.) [ЛКТЭ], *штенной горшок* (карел. беломор.) [Дуров: 447], *штённик*, *штільник* (арх. в-т.) [КСГРС]. Любителей есть щи называли *штенник* (карел. беломор.) [Дуров: 447], арх. холм. *штёйник* [Грандильевский: 301]. Щи могли рассматриваться как прототип всякой пищи: так, в Мезенском р-не Архангельской обл. женщину, вообще занимающуюся приготовлением пищи, называли *штённица* [Подвысоцкий: 194].

Развитие переносных значений

Яркий звуковой облик слова *щи* послужил толчком к появлению присловий, основанных на рифме *щи* – *полощи*, *щи* – *шли* и называющих жидкую похлебку: *Щи – хоть портянки полощи*

(карел. беломор., арх., волог.) [Дуров: 447; КСГРС], *Эти щи из Питера пеши или* (северное) [Бурцев 1902 (1): 347]. Здесь можно вспомнить, что названия жидких блюд и напитков нередко связаны с мотивом «хождения по воде», ср.: *Эти щи по заречью или, да по воде к нам пришли* [Даль 4: 657]; *Квас вор: воду в жбан свел, а сам ушел ‘о жидком квасе’* [Даль 3: 713]. Возможно, с мотивом «убегания» жидкого супа связано поверье пинежских крестьян о том, что в щи обязательно нужно «крошить крошево» (хлеб), иначе убежит жена [Ефименко 1: 174]: крошки делают щи густыми, затрудняя «побег».

Жидкие щи, символизирующие скупость и негостеприимство хозяев, становились частью анекдотов, в которых жадная хозяйка наказывалась за то, что пожалела скоромной заправки для щей: «*Зашел солдат в одну избу в деревне и попросил у хозяйки поесть. Та нашла ему чашку пустых щей. “Хотя бы маслица подлила”, – говорит солдат. Хозяйка капнула две капли. “Эх, – говорит солдат, – я хотел тебе за каждую звездочку, что плавает в щах, по копейке заплатить, а тут только две плавает, – не знаю, найдется ли у меня мелочи”. Хозяйке захотелось побольше получить с солдата, и она бух целую бутылку во щи. Масло покрыло все щи, но наверху стала одна только звезда. Выхлебал солдат щи и отдал хозяйке одну копейку*» [Тенишев 7(2): 207]. Мотив, сопоставляющий капли масла на поверхности супа со звездами и, как следствие, втягивающий в номинативный ряд образы военных, обычно встречается в названиях жидких похлебок, ср.: *ни блёзочки, ни звёздочки ‘о пустом супе’* (костром.), *суп «майор» ‘очень жидкий суп (одна блестка жира похожа на одну звезду майора)’* (армейский жаргон), *щи с прозументом ‘щи с разводами жира или сала’* (петерб.) [Березович, Осипова 2014б: 223].

Простота приготовления, незатейливость состава и повседневное употребление щей определили значение фразеологизмов *как шти варит* ‘запросто, непринужденно’: «Геннадий к нам едет как шти варит» (волог. к-г), *щи похлебать* ‘плохо, бессмысленно’: «С мужем всю жизнь прожила, что щи похлебала» (волог. кад.) [КСГРС].

Значение, далекое от «пищевой» семантики, развивает костромское выражение *шти пролить* ‘о чем-либо, произошедшем с человеком внезапно: упасть, заболеть, умереть и пр.’: «Шти пролил – это значит больно быстро что-то случилось. Это если что-то сделал человек, не природа, а человек – как шти пролил. Нет, про природу этак не говорят. Если человек внезапно заболел – ой, говорят, как шти пролил, что-то у него случилось такое»; «Как шти пролил – внезапно упал, неожиданно; или умер человек – как шти

пролил» (вохом.) [ЛКТЭ]. Семантика фразеологизма *шти пролить* соотносится исключительно с действиями человека, причем, как следует из контекстов, физического характера³. Аналогичные примеры находим и на других северных территориях; ср.: *как штей пролить* ‘резко, неожиданно упасть’: «Пала я сѣдни, головой сильно ударилась, как штей пролила»; «В лоб попадѣшь – он как шти прольѣт, сразу легѣт» (перм.) [Прокошева: 296; СРГКПО: 213]. Поскольку сквозным мотивом в большинстве контекстов является мотив падения, удара, рискнем предположить, что фразеологизм носит эвфемистический характер по отношению к *кровь пролить*, а слово *щи* в нем заменяет упоминание крови. Для сравнения можно привести выражения, в которых кровь «шифруется» через образ жидкой пищи, напитка: *пролить щи* ‘пустить кровь’: «Подерутся; Петр как хватил его, так он и щи пролил» (оренб.) [Малеча 4: 505], *юшка* ‘кровь из носу, от удара’ (литер.) [ССРЛЯ 17: 2012], *квас* (*квас клюквенный*) ‘кровь, кровоточащая рана’ (уголовный и молодежный жаргон) [БСРЖ: 249], а также польское *czzerwona polewka* <красная похлебка> ‘шутл. человеческая кровь’ (диал.) [Karłowicz 4: 235], *barszcz czerwony* <красный борщ> ‘mensis’ (жаргон) [Tuftanka 1993: 12].

Семейные обряды

Щи готовили к свадебной трапезе. На этапе сватовства щи варили в доме невесты в качестве угощения желанным сватам, о чем свидетельствует шутливый диалог хозяев со сватами: «*Ждали ли вы гостей?*» – «*Ждали.*» – «*Варили ли горшок щей?*» – «*Варили два.*» – «*А наши ребята-хлебаки придут из реки, выхлебают и три...*» (костром.) [Тенишев 1: 200]. Щи, приготовленные невестой, были символом родного дома, с которым она прощалась, ср. фрагмент вологодского свадебного причитания: «*Ой, у родимые мамушки, Ой, мои хлебы прилился, Ой, мои щи прихлебались*» (ник.) [Шалимова и др. 2010: 15]. Совместное употребление щей символизировало согласие на брак и породнение семей: на Мезени, когда дело доходило до рукобитья, выносили на стол щи, накрывали их тарелкой и объявляли имя поварахи (арх. *штиннища*), которая должна была поцеловаться со всеми сидящими, и только после этого начинали есть [Ефименко 1: 130]. В доме невесты дружка выносил на стол щи, непременно с костью и мясом, и приговаривал: «*Катится, валится свадебное мясо на столы белодубовы, на скатерти клитчатые! Вот вам шти несут!*» (ник.) [Шалимова и др. 2010: 15]. В Череповецком у. Новгородской губ. щи с говядиной обязательно подавали на свадебный ужин [Тенишев 7(2): 597].

Современные диалектные значения слова *щи* и его дериватов сохраняют память о его этимологической семантике ‘сытное, питательное жидкое блюдо’: на Русском Севере *щами* до сих пор называют густую похлебку с крупой и мясом, в приморских регионах – с сушеной рыбой. Несколько реже *щи* обозначают суп с капустой и саму капусту, обычно заквашенную, заготовленную на зиму для варки щей. На некоторых территориях противопоставляются значения фонетических и словообразовательных форм слова *щи*: *щи* – *шти*, *щи* – *штинница*, *щи* – *шечки*.

Щи являлись настолько привычным блюдом крестьянской трапезы, что символизировали однообразие и скудость крестьянского рациона. Тем не менее они готовились и как праздничное угощение: в этом случае они обязательно варились густыми, с крупой и мясом. Для вторичной языковой семантики слова *щи* и его дериватов характерны мотивы простоты и незатейливости (ср. выражение *как шти варит*). Во фразеологизмах, обыгрывающих образ пролитых щей, слово *щи* используется как эвфемизм по отношению к соматизму *кровь*. В обрядовой сфере щи были элементом свадебных ритуалов: их варили в качестве угощения желанным сватам, совместное употребление щей символизировало согласие и породнение семей, щи символически были связаны с домом, с которым прощалась невеста.

Примечания

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФ «Контактные и генетические связи севернорусской лексики и ономастики» (проект 17-18-01351).

² Сведения о географии языковых и культурных фактов включают информацию об области и районе распространения. Районы не указываются лишь в том случае, когда они не приводятся в источнике.

³ Тем не менее мотив пролитых щей можно встретить в севернорусской топонимии, ср. название ручья Щи: «Туда кто-то щи пролил». Как предполагает Е. Л. Березович, «ситуативные мотивировки винных, квасных и т. п. гидронимов могут быть связаны по своему происхождению с мифом, который растворяется в позднейших переосмыслениях» [Березович 2002: 160].

Сокращения

арх. – архангельское
 беломор. – Беломорский р-н Республики Карелия
 вель. – Вельский р-н Архангельской обл.
 вин. – Виноградовский р-н Архангельской обл.
 волог. – вологодское

вохом. – Вохомский р-н Костромской обл.
в-т. – Верхнетоемский р-н Архангельской обл.
в-уст. – Великоустюгский р-н Вологодской обл.
гряз. – Грязовецкий р-н Вологодской обл.
кад. – Кадуйский р-н Вологодской обл.
карг. – Каргопольский р-н Архангельской обл.
к-г. – Кичменгско-Городецкий р-н Вологодской обл.
кем. – Кемский р-н Республики Карелия
кир. – Кирилловский р-н Вологодской обл.
кон. – Коношский р-н Архангельской обл.
костром. – Костромская обл.
лен. – Ленский р-н Архангельской обл.
мез. – Мезенский р-н Архангельской обл.
ник. – Никольский р-н Вологодской обл.
окт. – Октябрьский р-н Костромской обл.
олон. – Олонецкая губерния
оренб. – оренбургское
пав. – Павинский р-н Костромской обл.
перм. – пермское
петерб. – петербургское
пин. – Пинежский р-н Архангельской обл.
сок. – Сокольский р-н Вологодской обл.
сямж. – Сямженский р-н Вологодской обл.
тарн. – Тарногский р-н Вологодской обл.
у-куб. – Усть-Кубинский р-н Вологодской обл.
уст. – Устьянский р-н Архангельской обл.
устюж. – Устюженский р-н Вологодской обл.
холм. – Холмогорский р-н Архангельской обл.
чаг. – Чагодощенский р-н Вологодской обл.
череп. – Череповецкий р-н Вологодской обл.
шар. – Шарьинский р-н Костромской обл.
шенк. – Шенкурский р-н Архангельской обл.

Список источников

АОС – *Архангельский* областной словарь / под ред. О. Г. Гецово́й. М.: Изд-во МГУ, 1980–2015. Вып. 1–16 (издание продолжается).

БСЖ – *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русского жаргона. СПб.: Норинт, 2000. 717 с.

Бурцев 1902 (1) – *Обзор* русского народного быта Северного края. Его нравы, обычаи, предания, предрассудки, притчи, пословицы, присловия, прибаутки, перегудки, припевы, сказки, присказки, песни, скороговорки, загадки, счеты, задачи, заговоры и заклинания / собир. А. Е. Бурцев. СПб.: Тип. Брокгауза-Ефрона, 1902. Т. I. Русские народные сказки. Пословицы.

Грандилевский А. Родина Михаила Васильевича Ломоносова. Областной крестьянский говор. СПб.: Тип. Имп. академии наук, 1907. 304 с.

Даль – *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955. Т. 1–4.

Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом примене-

нии. Петрозаводск: Карел. науч. центр РАН, 2011. 453 с.

Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Ч. 1: Описание внешнего и внутреннего быта. Ч. 2. Народная словесность. М.: Типо-литография С. П. Архипова и К°, 1877–1878.

КСГРС – картотека «Словаря говоров Русского Севера» (кафедра русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета, Екатеринбург).

Куликовский Г. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.: Тип. Имп. академии наук, 1898. 151 с.

ЛКТЭ – лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета, Екатеринбург).

Малеча Н. М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков. Оренбург: Оренб. кн. изд-во, 2002–2003. Т. 1–4.

Подвысоцкий А. И. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.: Тип. Имп. академии наук, 1885. 198 с.

Прокошева К. Н. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь, 2002. 431 с.

СВГ – *Словарь* вологодских говоров. Вологда: Изд-во ВГПУ «Русь», 1983–2007. Вып. 1–12.

СГРС – *Словарь* говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001–2014. Т. 1–6 (издание продолжается).

СРГКПО – *Словарь* русских говоров Коми-Пермяцкого округа / науч. ред. И. А. Подюков. Пермь: Изд-во ПОНИЦАА, 2006. 272 с.

СРНГ – *Словарь* русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина (вып. 1–22), Ф. П. Сороколетова (вып. 23–42), С. А. Мызникова (вып. 43–46). М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2013. Вып. 1–46 (издание продолжается).

ССРЛЯ – *Словарь* современного русского литературного языка / под ред. А. А. Шахматова. М.; Л.: Наука, 1948–1965. Т. 1–17.

Тенишев 1 – *Русские* крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы Этнографического Бюро князя В. Н. Тенишева. Т. 1: Костромская и Тверская губернии. СПб., 2004. 568 с.

Тенишев 7(2) – *Русские* крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева. Т. 7: Новгородская губерния. Ч. 2: Череповецкий уезд. СПб., 2009. 624 с.

ТСРЯ – *Толковый* словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов /

отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Изд. центр «Азбуковник», 2007. 1175 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1964–1973. Т. 1–4.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 2002. Т. 1–2.

Шалимова Н. Н. и др. Хлеб наш насущный: традиции никольского народного питания / Н. Н. Шалимова, Г. Ю. Костылева, В. М. Кокшарова, О. И. Рыжкова (Город не указан): МУК «Центр традиционной народной культуры, 2010. 56 с.

Karłowicz J. Słownik gwar polskich. Kraków, 1900–1911. Т. I–VI.

Tuftanka U. Zakazane wyrazy. Słownik sprośności i wulgaryzmów. Warszawa: Wydawnictwo “O”, 1993.

Список литературы

Атрошенко О. В. Русская народная хрономия: системно-функциональный и лексикографический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2012. 713 с.

Березович Е. Л. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2014. 488 с.

Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007. 600 с.

Березович Е. Л., Осипова К. В. Названия некачественной пищи: пустой суп и некрепкий чай // Березович Е. Л. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2014а. С. 255–267.

Березович Е. Л., Осипова К. В. «Что едим, так и жисть живем»: пустой суп и некрепкий чай в зеркале языка // Антропологический форум. 2014б. № 20. С. 218–239.

Березович Е. Л. «Пищевая» модель в гидронимии Русского Севера: метафора и миф // История русского слова: ономастика и специальная лексика Северной Руси / отв. ред. Ю. И. Чайкина; Вологод. гос. пед. ун-т, Вологда, 2002. С. 156–163.

Кривошапова Ю. А. Русская энтомологическая лексика в этнолингвистическом освещении: дис. ... канд. филол. наук: Екатеринбург, 2007. 252 с.

Леонтьева Т. В. Модели и сферы репрезентации социально-регулятивной семантики в русской языковой традиции: дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2015. 427 с.

Лутовинова И. С. Слово о пище русской. СПб.: Авалон, Азбука-классика, 2005. 288 с.

References

Atroshenko O. V. *Russkaya narodnaya khrononimiya: sistemno-funktsional'nyy i leksikograficheskiy aspekty*. Diss. kand. filol. nauk [Russian folk chrononymy: systemic-functional and lexicographic aspects. Cand. philol. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2012. 713 p. (In Russ.)

Berezovich E. L. *Russkaya leksika na obshcheshlavyanskom fone: semantiko-motivatsionnaya rekonstruktsiya* [Russian vocabulary in the general Slavic context: sematic-motivational reconstruction]. Moscow, Russkiy Fond Sodeystviya Obrazovaniyu i Nauke Publ., 2014. 488 p. (In Russ.)

Berezovich E. L. *Yazyk i traditsionnaya kul'tura: etnolingvisticheskie issledovaniya* [Language and traditional culture: ethnolinguistic studies]. Moscow, Indrik Publ., 2007. 600 p. (In Russ.)

Berezovich E. L., Osipova K. V. *Nazvaniya nekachestvennoy pishchi: pustoy sup i nekrepkoy chay* [Designations of poor quality food: thin soup and weak tea]. In E. L. Berezovich. *Russkaya leksika na obshcheshlavyanskom fone: semantiko-motivatsionnaya rekonstruktsiya* [Russian vocabulary in the general Slavic context: semantic-motivational reconstruction]. Moscow, Russkiy Fond Sodeystviya Obrazovaniyu i Nauke Publ., 2014a, pp. 255–267. (In Russ.)

Berezovich E. L., Osipova K. V. «Chto edim, tak i zhist' zhivem»: pustoy sup i nekrepkoy chay v zerkale yazyka [“We live as we eat”: thin soup and weak tea in linguistic aspect]. *Antropologicheskij forum* [Antropologicheskij Forum], 2014b, vol. 20, pp. 218–239. (In Russ.)

Berezovich E. L. «Pishcheyaya» model' v gidronimii Russkogo Severa: metafora i mif [“Food” model in hydronymy of the Russian North: metaphor and myth]. Ed. by Yu. I. Chaikina. *Istoriya russkogo slova: onomastika i spetsial'naya leksika Severnoy Rusi* [The history of the Russian word: onomastics and special vocabulary of Northern Russia]. Vologda, Vologda State Pedagogical University Publ., 2002, pp. 156–163. (In Russ.)

Krivoshchapova Yu. A. *Russkaya entomologicheskaya leksika v etnolingvisticheskom osveshchenii*. Diss. kand. filol. nauk. [Russian entomological vocabulary in the ethnolinguistic aspect. Cand. philol. sci. diss.] Ekaterinburg, 2007. 252 p. (In Russ.)

Leont'eva T. V. *Modeli i sfery reprezentatsii sotsial'no-regulyativnoy semantiki v russkoy yazykovoy traditsii*. Diss. dokt. filol. nauk. [Models and spheres of representation of socio-regulatory semantics in the Russian linguistic tradition. Dr. philol. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2015. 427 p. (In Russ.)

Lutovinova I. S. *Slovo o pishche russkoy* [Speaking about Russian food]. St. Petersburg, Avalon Publ., Azbuka-klassika Publ., 2005. 288 p. (In Russ.)

SHCHI IN THE RUSSIAN NORTH: CULTURAL AND LINGUISTIC SYMBOLISM

Ksenia V. Osipova

Senior Researcher in the Toponymic Laboratory
of the Department of Russian Language and General Linguistics
Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
51, prospekt Lenina, Ekaterinburg, 620000, Russian Federation

SPIN-code: 9505-1715

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2285-6112>

ResearcherID: F-4554-2017

The article deals with the reconstruction of cultural and linguistic symbolism of *shchi* based on the dialects of the Russian North (the Arkhangelsk and Vologda regions, as well as the northeast part of the Kostroma region). The article includes lexical material from published lexicographic sources and also from lexicographic files of the Russian North Dialects Dictionary and the Ural Federal University Toponymic Expedition. Usually by *shchi* peasants meant a meat soup with barley or oat groats, as well as a soup made from sauerkraut. Two different phonetic forms, *shchi* and *shti*, can be present on the same territory, in which case their meanings are differentiated. In the Russian North, *shchi* was a part of the basic diet: this soup could be an everyday or holiday dish, depending on the ingredients. The dialects distinguish between *shchi* and all the other, more liquid soups, which were categorized as *pokhleбка* (broth). *Shchi* could be eaten at any meal, in rich households as well as in poor ones. Cabbage *shchi* was the most usual food, it symbolized the monotony of the peasant diet and could be considered a prototype of any food. *Shchi* was served at home as a part of festive meals: at weddings eating *shchi* together meant the agreement between the two families that were establishing new family relations. *Shchi* was also symbolically linked with the house which the bride was leaving. The distinctive phonetics of the word *shchi* determined the creation of sayings based on rhymes *shchi* – *poloshchi* (*shchi* – rinse), *shchi* – *shli* (*shchi* – went). The easy cooking and common ingredients gave birth to such idioms as *kak shti varit* (as if he/she was cooking *shchi*), i. e. “easily, in a relaxed way”, or *shchi pokhlebat* (to sup *shchi*), i. e. “badly, senselessly”. The word *shchi* is used as an euphemism for ‘blood’ in the idiom *shti prolit* (to spill *shchi*), which means ‘to fall’.

Key words: Russian North; dialectal lexicology; ethnolinguistics; semantics; motivation; traditional food.